1980
18 НОЯ 1980

О САМОМ СУЩЕСТВЕННОМ, О САМОМ ДОРОГОМ

К 80-ЛЕТИЮ БРАТЬЕВ ВАСИЛЬЕВЫХ

В эти дни отмечается 80-летие со дня рождения выдающихся кинорежиссеров и кинодраматургов Георгия Николаевича и Сергея Дмитриевича Васильевых.

Навсегда вошел в духовную жизнь советского народа великий фильм «Чапаев». Памятны миллионам зрителей и другие их картины — «Волочаевские дни», «Оборона Царицына», «Фронт», «Герои Шипки», «В дни Октября»...

Творчество прославленных художников отмечено горячим, непрестанным интересом к героическим событиям в истории нашей страны, к важнейшим идеям и темам своей эпохи, является примером подлинной партийности и народности в искусстве.

Традиции, творческое наследие братьев Васильевых не меркнут с годами, активно участвуют в современном кинопроцессе, помогая кинематографистам наших дней решать большие идейно-художественные задачи.

В издательстве «Искусство» готовится к выпуску трехтомное собрание сочинений братьев Васильевых — теоретические работы, сценарии, критические статьи и выступления, заметки из дневника.

Предлагаем вниманию читателей фрагмент из 2-го тома — выступление Сергея Дмитриевича Васильева на Всесоюзном творческом совещании работников советской кинематографии в январе 1935 года*.

Мне сейчас говорить страшно трудно, трудно потому, что до меня здесь выступали товарищи, которых мы считаем своими учителями, и сказали они за эти два дня столько замечательных вещей, что мысли как-то разбегаются. Хочется говорить о многом и прежде всего хочется сказать, что мы действительно живем в исключительное, неповторимое время. Мы живем в такое замечательное время, что, может быть, даже сами не умеем достаточно оценить всей его замечательности. Разве это не показательно — мы, режиссеры, работающие замкнуто у себя на фабриках, пришли на всесоюзное совещание и почти все говорим об одних и тех же основных вопросах. Я никогда не готовлюсь к выступлениям, это моя беда, но я записал на бумажке несколько мыслей, и оказалось, что эти мысли, эти чувства волнуют и моих товарищей, что они думают о тех же вещах, о которых думал я!

Когда я после «Чапаева» выходил к рабочей аудитории, у меня трепетало все внутри, потому что я видел, что мысли, чувства этих людей — это мысли и чувства, которые волновали нас во время работы. Это замечательное чувство советского ощущения жизни.

Страна исключительно тепло встретила нашу картину «Чапаев». Это заставило нас еще раз продумать все те вопросы, которые нас волновали в то время, когда мы эту картину делали.

Нам указывали на связь и с «Броненосцем «Потемкин», и с «Матерью». Конечно, это замечательные «родители». И папой, и мамой мы довольны. (Смех). Но не только они были «родителями» «Чапаева». Когда Георгий Васильев, выступая в АРРКе, сказал, что «наш успех — ваш успех»,— это, по-моему, не была только красивая фраза. Это было настоящее, реальное положение вещей, потому что «Чапаев», очевидно, явился каким-то продуктом всего того сложного пути, всех тех кровавых, мучительных противоречий борьбы, которые каждый из нас как художник прошел вместе с 15-летним путем советской кинематографии.

И здесь мне хочется опять подчеркнуть то, о чем мы много говорили в Ленинграде. Деление советской кинематографии на периоды, на этапы, может быть, нужно для каких-то теоретических построений, но мы победоносное движение советской кинематографии не ощущаем раздробленно. Мы его ощущаем как устремленный, целостный процесс движения вперед. Мы видим перед собой большую дорогу, по которой мы все вместе идем, на которой один из нас выходит вперед, некоторые, кто послабее, отстают, некоторые начинают догонять и некоторые явно отстают. Но что сегодня замечательно? Что мы успешно подтягиваем всех идущих с нами по большой дороге.

Это — самое огромное, самое значительное, что отличает нашу страну. Прекрасно то, что мы можем сегодня здесь откровенно, со всей прямотой говорить о каждом из наших товарищей, говорить о его ошибках, как о наших ошибках, о наших ошибках, как о его ошибках.

Если основное, существенное, за что мы боремся, уже проявляется в наших работах, если мы и в дальнейшем создадим картины о самом существенном, о самом дорогом, о самом нужном, то мы, товарищи, найдем и новые художественные детали.

Детали — это вопрос накопления культурного опыта, накопления ремесленного или профессионального багажа.

Второй вопрос, который я сейчас хочу поставить, это вопрос, если хотите, о творческом эгоизме или о творческом самолюбии.

В наших прежних лентах мы были слишком лично эгоистичны, слишком лично самолюбивы, и это не могло не вредить качеству наших картин. Мне кажется, что только тогда, когда мы, как художники, сумеем победить свой личный эгоизм, сумеем победить свое личное самолюбие и вложить это самолюбие в образы, только тогда мы сможем творить полноценные произведения. Это касается и актеров, и операторов, и художников, т. е. всех людей, создающих кинематографические произведения. Только тогда, когда каждый из нас поймет, что задача не в эгоистическом стремлении выявить самого себя, задача в том, чтобы выявить сущность произведения, выявить основные идеи, которые нас волнуют, выявить наиболее ярко, наиболее полноценно, наиболее образно, если хотите,— только тогда мы сумеем добиться настоящего контакта с нашим советским зрителем. А этот контакт — основное в нашей работе. Тов. Юткевич, выступая здесь, был совершенно прав. Зачем же нам работать, зачем вкладывать в свои произведения всю страстность, все умение, всю культуру, которую мы имеем, только для того, чтобы сказать самому себе: какую замечательную картину я сделал, при полном молчании всех остальных. Это самое ужасное, что может произойти с художником. Самое страшное — если мы будем удовлетворены своей работой и не получим удовлетворения от тех, для кого мы эту работу делаем. Самое замечательное для художника Советской страны — это чувство полного единения со своим зрителем. Это единение говорит о том, что картина бьет в цель, что она движет зрителя вперед, что она заражает его теми же чувствами и мыслями, которые вложил в нее художник, что картина является мощным орудием в борьбе за дело торжества коммунизма, за которое борется и к которому ведет нас наша партия. Это основная цель, которая должна быть доминантой в работе советских художников.

Когда мы с Георгием Васильевым выходили в аудиторию после просмотра нашей картины, то мы (вероятно, все вы читали об этом в прессе) были полны счастья и гордости. Счастья и гордости потому, что основным в нашей работе мы считали чувство действительности, ощущение мыслей, созвучных эпохе, мыслей, которые идут наравне с мыслями тысяч других людей. Мы считали основным передачу чувств, которые движут лучших людей нашей страны. И мне кажется, что корень вопроса в том, что художник, как говорил Довженко, должен быть на уровне тех идей, на уровне тех чувств, которые владеют советским зрителем. Нельзя сделать ничего, если вы не чувствуете, если вы не мыслите, если вы не ощущаете всего того, что происходит вокруг нас, так же, как ощущают это лучшие люди нашей страны. И вот, товарищи, где проявляется еще иногда наша слабость. Мы еще зачастую не умеем высокоидейно, по-настоящему мыслить, не умеем по-настоящему чувствовать, и этому надо научиться, в этом очередная задача, которая поставлена перед каждым из нас.

...Мы говорим о простоте и говорим много. Сегодня здесь повелась традиция: Юткевич говорил с Жорж Занд, Эйзенштейн разговаривал вчера с Вагнером. Позвольте и мне поговорить с одним «творческим работником»:

«Как только искусство высших классов выделилось из народного искусства, так явилось убеждение в том, что искусство может быть искусством и вместе с тем быть непонятно массам. А как только было допущено это положение, так неизбежно надо было допустить, что искусство может быть понятным только для самого малого числа избранных...

Так и говорят прямо теперешние художники: я творю и понимаю себя, а если кто не понимает меня, тем хуже для него... Но если большинство не понимает, то надо растолковать ему, сообщить ему те знания, которые нужны для понимания. Но оказывается, что таких знаний нет и растолковать произведение нельзя, и потому те, которые говорят, что большинство не понимает хороших произведений искусства, не дают разъяснений, а говорят, что для того, чтобы понять, надо читать, смотреть, слушать еще и еще раз те же произведения. Но это значит не разъяснять, а приучать... Великие предметы искусства только потому и велики, что они доступны и понятны всем...»

Это сказал Лев Николаевич Толстой.

Для меня положение о том, что наше советское искусство должно быть понятно широчайшим массам трудящихся, — положение абсолютно бесспорное... Вот почему один из основных вопросов — вопрос о простоте. Значит ли это, что мы понимаем простоту, как опрощенчество... Конечно, нет. И мне на одном из выступлений уже приходилось говорить на эту тему, когда «Чапаева» пытались поставить, как новый канон, выставлять как какую-то «икону». Я не хочу быть иконой. Когда некоторые пытаются говорить в порядке общей команды: «По «Чапаеву» — равняйсь!», то это вещь опасная и неверная. Неверная потому, что мы работаем в такое замечательное время, когда сама действительность так разнообразна, так многогранна, что может и должно существовать самое разнообразное отражение этой действительности в искусстве — во всей многогранности его форм.

И мне кажется, что здесь законны все приемы, какие только доступны художникам. Здесь можно пользоваться любыми приемами, но нельзя пользоваться приемами так, чтобы эти приемы были взяты ради ублажения того творческого эгоизма, той, если хотите, творческой похвальбы художника, которые были в прошлом присущи, к сожалению, всем нам. В этом все дело. И если в «Чапаеве» мы не брали ракурсов, то это не потому, что мы считаем, что ракурс это вообще что-то раз навсегда запрещенное в кинематографии... а потому, что мы органически чувствовали, что нам в этой картине для решения поставленной темы ракурсы не нужны, они будут мешать решению основной идейной задачи. И мы от них отказались так же, как отказались от целого ряда других приемов.

Когда мы говорим о центральной задаче, стоящей перед нами, когда мы все приходим к необходимости показа типического человека, мы и здесь можем перегнуть палку, потому что человек — человеком, а событие — событием. И если мы раньше делали картины о замечательно «повернутых» событиях и монтировали их, то сегодня нам надо делать картины о людях, которые движут события, и о событиях, которые движут этих людей. Вот то, что для нас является основным, то, что для нас сегодня является основной творческой задачей. ...Мы должны строить образ так, чтобы он заиграл всеми сторонами характера, чтобы в этом образе отразилось все накопление наших чувств и мыслей для того, чтобы любой человек, будь он маленький пионер первых классов школы или старый большевик, смотрящий нашу картину сегодня, чтобы каждый из них в этом образе нашел то, что он может взять для себя, что он может взять для своей сегодняшней действительности.

Мне хочется оговорить еще несколько вопросов. Прежде всего, наш путь, как я уже говорил, был путем такой же ломки, какую прошел почти каждый советский мастер. Здесь мне нужно упомянуть об одном «незаконнорожденном ребенке» в нашем творческом пути. Речь идет о небольшой немой картине, поставленной после «Спящей красавицы» по сценарию, который нам очень не нравился. О картине «Личное дело». Я не хочу забывать своих «незаконных» детей. Нужно о них тоже помнить. Эти дети иногда приносят пользу. В нашем творческом пути они принесли громаднейшую пользу. Кстати, мне здесь хочется поблагодарить т. Пудовкина за то, что, выйдя с просмотра картины «Спящая красавица», он сказал нам фразу, которая заставила нас много думать, с болью думать, но которая сыграла большую роль. Эта фраза была следующая: «Вот я смотрел картину. Я думал — как это все грамотно, как это все на своем месте, как это все... вот... профессионально... А вот я не вижу в ней вашего чувства, вашего отношения»... За эту фразу я ему сегодня при всех приношу громадную благодарность, потому что она толкнула нас... на наше «Личное дело»... А от «Личного дела» — прямой путь к «Чапаеву».

Товарищи, нам часто задавали вопрос и сейчас задают, и вчера задавали в кулуарах: «А не кружится ли голова у вас, не зазнаетесь ли вы?» Георгий обычно говорит: «Ребята мы здоровые и чувствуем себя хорошо». Я хочу к этому прибавить, что если бы мы чувствовали себя нехорошо, если бы мы чувствовали головокружение или зазнайство, то, во-первых, мы, наверное, не могли бы сделать «Чапаева», а во-вторых, мы не имели бы права претендовать на самое почетное из всех существующих званий — на звание советского человека.

● *Георгий Николаевич и Сергей Дмитриевич Васильевы.*

---

* Выступление публикуется с некоторыми сокращениями.